

ОКОНЧАНИЕ

ПОВЕСТИ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

(1863)

Публикация Е. И. Кийко

Значительную часть своей жизни Тургенев провел в Париже. Тоскуя по родине и тяжело переживая свой отрыв от русской литературы, которую он так высоко ценил, Тургенев неустанно пропагандировал за границей лучшие произведения писателей-соотечественников. С большим вниманием относился он также и к зарубежным изданиям собственных произведений, особенно к тем, которые предназначались для французских читателей. Поэтому, если во французских авторизованных переводах произведений Тургенева обнаруживаются отклонения от русского источника текста, то очевидно, что эти изменения или дополнения сделаны были самим писателем. В связи с этим М. П. Алексеев в статье «И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе» писал: «...представило бы интерес систематически обследовать иностранные переводы Тургенева, им самим допущенные к печати: в ряде случаев это могло бы дать любопытные авторские варианты к „канонизированным“ русским их текстам»¹. Такая работа проводится сейчас в связи с подготовкой академического издания сочинений и писем Тургенева. В результате сличения русских подлинников с их авторизованными французскими переводами выявлен ряд расхождений, которые важно учитывать при изучении истории текста произведений Тургенева. Так установлено, что отличия русского текста повести «Затишье», напечатанного в издании сочинений Тургенева 1861 г., от текста этой же повести, напечатанного в издании 1856 г., являются результатом правки, которой повесть подверглась при переводе ее на французский язык для сборника «Scènes de la vie russe. Par I. Tourguéneff, deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur, par Louis Viardot. Paris, 1858. Еще более существенной доработке во французском издании «Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour. Par Ivan Tourguéneff. Traduction de H. Delaveau», Paris, 1863, подверглась «Первая любовь».

Повесть «Первая любовь» открывается своеобразным зачином: троим друзьям, собравшимся как-то вместе, пришла в голову мысль, пусть каждый расскажет о своей первой любви. Оказалось, что интерес может представить только рассказ Владимира Петровича. Известный русским читателям текст повести заканчивается вместе с рассказом Владимира Петровича. Читателям остается неизвестным, как отнеслись его друзья к прослушанному. Для названного выше французского издания «Первой любви» Тургенев специально дописал заключительные страницы, в которых раскрыл отношение к прослушанному каждого из присутствующих.

Черновой автограф этого нового финала повести, написанный по-русски и названный Тургеневым: «Прибавленный хвост для французского издания в „Первой любви“», был зарегистрирован и кратко охарактеризован А. Мазоном в его описании парижских рукописей Тургенева². Фотокопия автографа поступила в редакцию академического издания Тургенева из Национальной библиотеки (Париж) вместе с другими фотоматериалами парижского архива писателя.

Во французском издании публикуемый текст был переведен полностью, за исключением последних строк от слов: «Да,— задумчиво промолвил В(ладимир) П(етрович)...

Вслед за французским изданием 1863 г. «Первая любовь» с тем же прибавленным концом была опубликована и в немецких изданиях. Еще до выхода в свет французских переводов «Накануне» и «Первой любви» у Тургенева возникла мысль об издании его сочинений на немецком языке, и он предложил Ф. Боденштедту взять на себя осуществление этого замысла³. Боденштедт, который и ранее занимался переводами произведений Тургенева, начал под непосредственным наблюдением самого автора деятельную подготовку к изданию. Тургенев участвовал не только в выборе произведений, предназначенных для немецких читателей, но и оказывал Боденштедту существенную помощь в его переводческой работе. Он заботился о точности перевода и следил за тем, чтобы в немецкий перевод были внесены изменения и дополнения, сделанные им в текстах французских переводов. В связи с этим он писал 1/13 августа 1863 г. Боденштедту: «Вы мне также не сказали, какие из моих произведений войдут в первый том, выпускаемый вами. Будьте любезны, сообщите мне заглавия, и я вам немедленно перешлю номера страниц французского перевода, где находятся сделанные мною небольшие добавления и восстановления текста».

В данном случае Тургенев, несомненно, имел в виду, наряду с появившимися ранее, и только что вышедший сборник французских переводов его сочинений «Nouvelles scènes de la vie russe» (1863). Таким образом, все изменения и дополнения, сделанные Боденштедтом в немецком переводе сочинений Тургенева⁴, отличающие текст этого издания от текста русских публикаций, были им сделаны по настоянию самого автора. Об этом свидетельствует и тот факт, что, получив корректурные листы повести «Первая любовь» (как и во французском издании, с прибавленным концом), Тургенев выразил в письме к Боденштедту от 1/13 сентября 1865 г. полное удовлетворение его работой: «Я до сих пор не ответил вам — и даже не поблагодарил вас еще за присылку корректурных листов с прекрасным во всех отношениях переводом „Первой любви“».

«Первая любовь» была напечатана с прибавленным концом и в последующем двенадцатитомном собрании сочинений Тургенева на немецком языке, изданном Е. Бере в 1869—1884 годах⁵. Однако теперь Тургенев высказал по этому поводу свое недовольство. Он писал 3/15 февраля 1882 г. Людвигу Пичу: «Со мной приключилось нечто весьма забавное — должен вам об этом рассказать. Получаю я недавно январский номер „Magazin für die Literatur des Auslandes“ — со статьей господина Бира о моей ничтожной особе. (Прилагаю ее.) Оказывается, что вся аргументация остроумного и глубокомысленного критика (который считает, что выявил мне самому неизвестную сущность моей писательской деятельности) основывается на том — чего я никогда не писал. А именно — на рассуждении, привешенном к концу повести „Первая любовь“ и написанном из соображений морального свойства моим французским переводчиком (между нами: Виардо)... в подлинном русском издании и следа этого нет. Я не протестовал. Может быть, это следовало сделать, — но вы ведь знаете, как мало я забочусь о моих вещах после их опубликования. К сожалению, это постороннее рассуждение — и на этот раз уже определенно против моего желания — перешло и в немецкий перевод. Вы, конечно, знаете, как мало свойственны мне такого рода заключения... Все эти дополнительные умствования и запоздалые размышления напоминают мне кудахтанье курицы после того, как она снесла яйцо — они совершенно бесполезны и только сбивают с толку читателя»⁶.

Статья в январском номере журнала «Das Magazin für die Literatur des In- und Auslandes» 1882 г., вызвавшая возмущение Тургенева, принадлежала немецкому беллетристу и критику Карлу Байеру (Karl Bayer), печатавшемуся под псевдонимом Роберт Бир (Robert Byr). Выступление Роберта Бира на страницах немецкого журнала с размышлением о сущности творчества русского писателя, причисленного в Германии, по его утверждению, к «любимым авторам», было связано с выходом в свет в 1881 г. одиннадцатого тома сочинений Тургенева на немецком языке, издававшихся Е. Бере. В этот том вошли переводы трех повестей: «Затишье», «Фауст» и «Первая любовь». Главная цель, которую преследовал автор статьи, состояла в опровержении ставшего, по его словам, «незыблемой догмой» мнения о Тургеневе «... как о непревзойденном живописце нравов своей родины, который позволил <...> увидеть расстроенную

[illegible]

внутреннюю жизнь России и помог понять смысл тех вулканических извержений, которые изумляют Европу вот уже десятилетие с лишним, или, лучше сказать,— больше ее не изумляют». Это утверждение Р. Бир считал несправедливым, так как Тургенев, по его мнению, «прежде всего и целиком — *poète*, и как таковой, хотя и зависим от обстоятельств, эпохи и отечества, но творчеством своим не прикреплен к некоему комку земли». Автор статьи писал в связи с этим, что в повестях Тургенева «нет ничего, что могло бы произойти *только* в России. События, послужившие материалом для повестей, если можно так выразиться, космополитичны, а действующие лица не обладают отчетливыми национальными чертами». Р. Бир обвинял Тургенева в том, что он неверно толковал смысл своих художественных произведений, указывая на социальные причины глубоко интимных трагедий в «расстроенной семейной жизни» их героев. «Ясно одно,— писал он,— Тургенев заблуждается относительно собственных повестей. Если он прав, то что-то гнило не только в Датском государстве, но и в Германии, Франции, в остальном мире, и гниение началось не теперь, ибо это было во все времена!» Отрицая социальную обусловленность личных судеб героев в повестях Тургенева, Р. Бир считал не всегда оправданным их «трагический исход» и объяснял пристрастие писателя к «меланхолическим вечерним тениям» его национальным настроением — элегическим, «как славянская песня».

Естественно, что Тургенев, стремившийся в своих произведениях отразить «быстро изменяющуюся физиономию русских людей» (XI, 403) и отличавшийся даром угадывать «новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание»⁷, обладавший способностью «верно и быстро понять и оценить всякое явление, инстинктом разгадать его причины и следствия»⁸, не мог не протестовать против основных положений статьи Роберта Бира, превратившего его в писателя, поэтический гений которого парит над пространством и временем, «улавливая в отдельном образе всеобщее, всегда и всюду существующие чисто человеческие проблемы, решения которых люди будут искать, пока существует мир».

В цитированном письме к Пичу Тургенев упрекал Р. Бира в том, что тот основывал свои доказательства на рассуждении, «привешенном» к концу французского перевода повести «Первая любовь» и якобы написанном не Тургеневым, а Луи Виардо. Действительно, Бир в своей статье придавал большое значение последним страницам «Первой любви» и даже писал, что «в заключении повести Тургенев критикует самого себя», а для подтверждения своих слов приводил с небольшими сокращениями текст этих страниц из рецензируемого им одиннадцатого тома немецкого издания Е. Бере.

Тургенев был прав, когда в письме к Пичу утверждал, что написанный им для французского перевода конец «Первой любви» никогда не печатался в русских изданиях, но он при этом допускал три неточности: во-первых, называл переводчиком «Nouvelles scènes de la vie russe» Луи Виардо, в то время как им был Делаво; во-вторых, упрекал немецких переводчиков в том, что они якобы против его воли печатали в немецких изданиях конец «Первой любви», и, в-третьих, отрицал свое авторство в отношении этого текста.

В письме к Пичу, написанном почти двадцать лет спустя после опубликования французского перевода «Первой любви», Тургенев спутал факты, но знаменательно, что он не забыл обстоятельств, побудивших его написать заключительные страницы к уже широко известной в России повести, а именно, он указал на то, что эти страницы были добавлены «из соображений морального свойства». Следует напомнить, что «Первая любовь» вышла в свет в момент ожесточенных споров вокруг «Накануне», когда реакционная критика, находя идейное содержание романа «опасным», обвиняла Тургенева в том, что он изображает безнравственных героев. М. И. Дараган, Н. П. Грот (под псевдонимом «Русская женщина»), Н. Павлов на страницах газеты «Наше время» прямо писали, что поведение Елены под стать только «развращенной женщине»⁹.

Повесть «Первая любовь», вскоре после «Накануне» появившаяся в третьей книжке «Библиотеки для чтения» 1860 г., была встречена с особым интересом: по новому произведению Тургенева критика пыталась определить, в каком направлении будет

развиваться его творчество¹⁰. Рецензент «Нашего времени» М. Власьев писал: «Вопросы и споры, возбужденные повестью „Накануне“, заставили нас ожидать с нетерпением, чтобы на страницах какого-нибудь из наших журналов снова появилось имя И. С. Тургенева». Однако содержание «Первой любви» разочаровало рецензента «Нашего времени». «Нам стало очевидно, — писал он, — что Тургенев выбрал себе в искусстве новый путь, от которого едва ли можно ожидать таких произведений как „Фауст“, „Записки охотника“ и пр.». Убедившись, что Тургенев не собирается изменять идеалам, вдохновившим его на создание образов Инсарова и Елены, Власьев, вслед за Даргаганом и «Русской женщиной», провозгласил безнравственной и Зинаиду Засекину. Он писал, что «повесть представляет нам девушку, совершенно лишенную всякого нравственного чувства»¹¹.

Если реакционеры обвиняли Тургенева в безнравственности и в посягательстве на государственные устои, то некоторые либеральные критики, напротив, остались довольны отсутствием в «Первой любви» «обличительного» элемента. Так, рецензент «Московских ведомостей», редактором которых в это время был В. Ф. Корш, писал: «Чтобы уяснить себе вопрос, почему „Накануне“ возбудило такой интерес в обществе, сравните его с повестью того же автора, явившеюся почти в то же время: мы говорим о „Первой любви“. И там и здесь рассказ мастерский, увлекательный, но после „Накануне“ вы невольно задумаетесь, а „Первую любовь“ прочтете равнодушнее. Причина понятна. Последняя повесть не возбуждает в вас никаких высших вопросов; там нет благородных типов, вызывающих на симпатию. Интерес сосредоточивается главным образом на чувстве эстетической любви; герой повести лицо несимпатичное, хотя он и драпируется перед нами в каком-то испанском плаще и прикидывается человеком с железною волею; но, увы, этот господин с железною волею женился по расчету и сквозь его изящные, аристократические манеры, соединенные с необыкновенным самообладанием, читатель ясно видит холодную эгоистическую натуру, которая служит только идее комфорта и собственного наслаждения... Героиня в этой повести не более как кокетливая, в высшей степени капризная и далеко не нравственная личность. Следовательно, идеалов для нашей жизни тут нет»¹².

Со стороны революционно-демократической критики наиболее резкие полемические выпады были направлены против Зинаиды Засекиной. Это объяснялось тем, что ее образ противоречил идеалу «новой» женщины, сложившемуся в среде революционных демократов к началу 1860-х годов. Писарев отказался высказать свое мнение о героине повести, сказав: «Я ее характера не понимаю»¹³, а Добролюбов увидел в ней «нечто среднее между Печориным и Ноздревым в юбке»¹⁴ и почти отрицал возможность реального существования таких женщин: «никто такой женщины никогда не встречал, да и не желал бы встретить», — утверждал он¹⁵.

Одобрительно отзывались о повести другие современники Тургенева. Например, рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» писал: «„Первая любовь“ вся состоит из силы, вся начата и кончена одним мастерским приемом. К концу произведения у автора сохранился еще такой запас вдохновения, что он вылился в речах, напоминающих заклещательные строфы в стихотворениях Пушкина»¹⁶. В той же тональности написана рецензия Н. Н. Булича в «Русском слове». По мнению рецензента, от «горячих страстных страниц» повести Тургенева веет «тайной прелестью действительных воспоминаний первой любви, молодым восторгом и молодою скорбью»¹⁷.

Решительно восстал против обвинений Тургенева в безнравственности Ап. Григорьев, объяснив эти обвинения ханжеством и лицемерием той части общества, которая боится протеста. В статье «Искусство и нравственность» он писал: «Всякий протест страшен приверженцам существующего, но в особенности страшен он, когда облачается в художественные формы». И в другом месте той же статьи: «...читатели <...> читают с трепетом наслаждения „Первую любовь“, хотя в ней ничего нет ни обличающего, ни поучительного — ничего, кроме порыва, благоухания и поэзии... а критика и часть общественного мнения поднимают вопль за нравственность»¹⁸.

В кругу ближайших знакомых Тургенева к «Первой любви» также отнеслись не все одинаково. «Литературные друзья» и советчики одобрили повесть. Тургенев писал об этом Фету 13/25 марта 1860 г.: «Повесть моя называется „Первая любовь“. Сюжет

ее вам, кажется, известен. Читал я ее на днях ареопагу, состоявшему из Островского, Писемского, Анненкова, Дружинина и Майкова <...> Ареопаг остался доволен и сделал только несколько неважных замечаний». Повесть понравилась и Толстым, о чем мы узнаем из письма Тургенева к Фету от 1/13 июня 1860 г.: «Мне приятно, что „Первая любовь“ нравится Толстым: это ручательство». «Твоя „Первая любовь“ — восхитительная вещь...», — утверждал также Герцен в письме к Тургеневу от 18/6 мая 1860 г.¹⁹

Однако среди друзей писателя нашлись и такие, которые не одобрили повести. Так, графиня Е. Е. Ламберт, литературный вкус которой Тургенев ценил, прислала ему критические замечания некоего г-на Г., казавшиеся справедливыми и ей самой²⁰. Письмо с замечаниями г-на Г. не сохранилось, и о характере упреков неизвестного критика в адрес писателя можно судить только по ответному письму Тургенева. Он писал 18 февраля / 2 марта 1861 г. гр. Ламберт:

«Возвращаю вам письмо г-на Г. Должно быть, он прав (мой приятель Виардо точно такого же мнения о „Первой любви“) — и мне не служит извинением то, что я нисколько не воображал выбранный мною сюжет безнравственным. Это скорее — une circonstance aggravante*. Против одного я, однако, позволю себе протестовать: а именно — я писал вовсе не с желанием бить, как говорится, на эффект; я не придумывал этой повести; она дана мне была целиком самой жизнью. Спешу прибавить, что это меня не оправдывает; я, вероятно, не должен бы был касаться всего этого. Говорю: вероятно — потому что не хочу лгать. Если бы кто-нибудь меня спросил, согласился ли бы я на уничтожение этой повести, так, что и следа бы от нее не осталось... я бы покачал отрицательно головой. Но я с охотой соглашаюсь никогда не говорить и не вспоминать больше о ней».

О. С. Аксакова, как и Ламберт, также не одобрила повесть. Она писала своему брату И. С. Аксакову 11/23 апреля 1860 г.: «...повести его <Тургенева> „Накануне“ и „Первая любовь“ даже отвратительны своею безнравственностью и непристойностью»²¹.

Тургенев еще в период работы над повестью предполагал, что после ее опубликования в его адрес посылаются упреки в безнравственности; поэтому он придавал большое значение заключительному эпизоду повести («смерть старушки»), не имеющему прямого отношения к главной сюжетной линии. Об этом он писал Фету 1/13 июня 1860 г.: «Приделал же я старушку на конце — во-первых, потому, что это действительно так было — а во-вторых, потому, что без этого отрезвляющего конца крики на безнравственность были бы еще сильнее».

Тургенев всегда внимательно относился к критическим замечаниям, касающимся его художественного творчества, и, если находил их справедливыми, — учитывал при последующей доработке своих произведений. Примерами могут служить отвергнутый друзьями и оставшийся неопубликованным роман «Два поколения», а также «Рудин», «Затишье», «Отцы и дети» и др.

Очевидно, заключительные страницы «Первой любви», появившиеся во французском издании 1863 г., также были написаны в ответ на критические замечания, высказанные по поводу этой повести. Тургеневу важно было отвести оба обвинения критики: упрек в безнравственности и упрек в общественной индифферентности повести.

Не считая возможным вторгаться в ткань произведения, которое он сам считал художественно завершенным, Тургенев прибег к несвойственному для его творческой манеры приему — прямому комментированию событий, рассказанных в повести.

В ответ на обвинения критики в безнравственности и аполитичности Тургенев пояснил, что его повесть должна наводить читателя на мысль о том, что в русском обществе «есть что-то испорченное», что мешает гармоническому развитию человеческой личности. При этом писатель-гуманист выразил надежду, что жизнь грядущих поколений будет иной.

NOUVELLES SCÈNES

DE

LA VIE RUSSE

ÉLÈNA. — UN PREMIER AMOUR.

PAR

IVAN TOURGUÈNEF

TRADUCTION DE H. DELAVEAU

Dessins de A. SCHENK

PARIS

E. DENTU, ÉDITEUR

Libraire de la Société des Gens de Lettres,

PALAI-ROYAL, 13 ET 17, GALERIE D'ORLÈANS.

Madame de Staël
Traduction
de l'auteur

Brade. —
ma. 1865.

NOUVELLES SCÈNES

DE

LA VIE RUSSE

NOUVELLE

UN PREMIER AMOUR

... Les convives s'étaient séparés depuis longtemps. La pendule sonna minuit et demi. Il ne restait plus dans la chambre que le maître de la maison, Sergueï Nikolaïevitch et Vladimir Petrovitch.

Le maître de la maison sonna et donna l'ordre d'emporter les restes du souper.

ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОВЕСТЕЙ ТУРГЕНЕВА (1863 г.), ДЛЯ КОТОРОГО БЫЛО НАПИСАНО НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ПЕРВОЙ ЛЮБВИ».

На памятнике книги дарственная надпись Тургенева по-французски: «Госпоже Гейдсбранд (?) на память, от автора. Баден, май 1865»

Литературный музей, Москва

elle n'avait pas goûté au miel du bonheur. Il semblait qu'elle eût dû se réjouir de la mort qui lui apportait la liberté et le repos! et cependant, tant que son corps décharné résista, tant que sa poitrine se souleva péniblement sous la main glacée qui l'oppressait, tant que ses dernières forces ne l'eurent pas abandonnée, la pauvre vieille ne cessa de se signer en murmurant: «Seigneur, pardonnez-moi mes péchés!» C'est seulement avec la dernière lueur de conscience que l'expression de terreur que lui causait la mort s'effaça de ses yeux. Je me souvins aussi que là, au lit de mort de cette pauvre vieille, j'eus peur pour Zinaïda, et me sentis le désir de prier pour elle, pour mon père et pour moi!

La lecture finie, Vladimir Pétrovitch baissa la tête comme dans l'attente d'une première parole. Mais ni Sergueï Nikolaïevitch ni la maîtresse de la maison ne rompirent le silence. Vladimir, lui-même, ne levait pas les yeux de son cahier.

— Je crois m'apercevoir, messieurs, dit-il enfin, avec un sourire contraint, que ma confession vous a plu médiocrement.

— Non, répondit Sergueï Nikolaïevitch. — Mais...

— Quoi? mais?...

— Je veux dire que nous vivons dans un temps

étrange, et que nous sommes nous-mêmes d'étranges gens.

— En quoi?

— Oui, nous sommes d'étranges gens, répéta Sergueï Nikolaïevitch. — Vous n'avez rien ajouté à ce que vous nommez votre confession, n'est-ce pas?

— Rien.

— Hum! — Cela se voit du reste. Eh bien! — il me semble qu'en Russie seulement...

— Une pareille histoire est-elle possible? interrompit Vladimir; allons donc!

— Vous ne m'avez pas laissé finir ma phrase. Je voulais dire qu'en Russie seulement, un pareil récit est possible.

Vladimir se tut un instant. — Quelle est votre opinion à vous? demanda-t-il, en se tournant vers le maître de la maison.

— Je suis de l'avis de Sergueï Nikolaïevitch, répondit celui-ci; mais ne vous effrayez point. Nous ne voulons pas dire par là que vous soyez un homme pervers, — au contraire. Nous voulons dire que les conditions sociales, au milieu desquelles nous avons tous grandi, se sont formées chez nous d'une façon toute spéciale, qui n'avait jamais été et qui, probablement, ne sera plus jamais. — Votre récit simple et dépourvu d'artifice nous a inspiré une sorte d'effroi. — Non qu'il nous ait choqué comme immoral; il révèle quelque chose de plus sombre et de plus profond

qu'une simple immoralité. Personnellement, vous êtes à l'abri de tout reproche, n'ayant commis aucune faute. Mais, à chaque ligne de votre récit, perce je ne sais quelle faute générale, commune à tout un peuple, que j'oserais presque appeler un crime national.

— Oh! quel grand mot pour une petite chose! fit observer Vladimir.

— Le cas est petit, la chose ne l'est point. Il y a, je le répète, et vous le sentez vous-même, il y a, comme le dit un certain soldat, dans *Hamlet*:

Something is rotten in the state of Denmark!

— Espérons, en tout cas, que nos enfants auront autre chose à raconter de leur jeunesse, et qu'ils le raconteront autrement.

I. Quelque chose de corrompu dans l'état du Danemark.
(*Hamlet*, acte I, sc. iv.)

FIN

НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ПЕРВОЙ ЛЮБВИ», НАПИСАННОЕ ТУРГЕНЕВЫМ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ (1863 г.)

Страницы печатного текста

«Nouvelles scènes de la vie russe. Eténa. — Un premier amour par Ivan Tourguénév». Paris

Но, высказав неопределенную надежду на лучшее, рассказчик и его слушатели «разошлись в молчании». Такая неуверенность в победе идеалов добра и справедливости в ближайшем будущем, очевидно, в значительной степени была вызвана разочарованием Тургенева в тех реформах, которые последовали вслед за отменой крепостного права.

Таким образом, не известные до сих пор русскому читателю заключительные страницы повести «Первая любовь» представляют большой интерес для уяснения позиции писателя в сложной обстановке литературно-общественной и политической борьбы начала 1860-х годов.

«Первая любовь» осталась в сознании Тургенева в том виде, в каком она впервые была опубликована в 1860 г. в Петербурге. Без изменений или прибавлений повесть печаталась во всех последующих прижизненных русских изданиях сочинений писателя. Это объясняется, очевидно, тем, что заключительные страницы повести, подсказанные Тургеневу не художественной логикой произведения, а конкретными условиями общественно-политической борьбы 1860—1863 гг., когда писателю казалось, что смысл его творчества истолковывается превратно²², воспринимались им самим как вынужденный и поэтому неорганический привесок, о чем он и сказал в цитированном выше письме к Пичу.

«Первая любовь» до конца жизни Тургенева оставалась его любимым детищем: «Это единственная вещь,— говорил он,— которая мне самому до сих пор доставляет удовольствие, потому что это сама жизнь, это не сочинено... „Первая любовь“ это пережито»²³.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Институт литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела новой русской литературы, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 42.

² «Enfin, au verso de la p. 65 (...) Tourguénev a logé le brouillon, en russe, d'un appendice destiné à la traduction française de „Premier amour“: «Прибавленный хвост для французского издания „Первой любви“» (М а з о н, pp. 62—63).

³ См. письмо Тургенева к Фр. Боденштедту от 19/31 октября 1862 г. См. также в наст. томе (кн. 2) публикацию писем Фр. Боденштедта к Тургеневу.

⁴ Erzählungen von Iwan Turgenjew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt, 2 Bd. München, 1864—1865.

⁵ I. Turgenjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe. 12 Bd. Hamburg—Mittau, 1869—1884.

⁶ Письма к Пичу, стр. 210—211.

⁷ Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 208.

⁸ Б е л и н с к и й, т. X, стр. 346.

⁹ «Наше время», 1860, № 9, 13 марта; № 13, 10 апреля; № 17, 8 мая; № 18, 15 мая.

¹⁰ Указание Л. В. Крестовой, будто «Первая любовь» «почти не вызвала откликов» в критике (VI, 380), неточно. Свое мнение о повести Тургенева высказали многие русские газеты и журналы.

¹¹ «Наше время», 1860, № 16, 1 мая—«Первая любовь» (повесть г. Тургенева).

¹² «Московские ведомости», 1860, № 101, 7 мая.

¹³ Д. И. П и с а р е в. Сочинения, т. I. М., 1955, стр. 266.

¹⁴ Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 345.

¹⁵ Там же, стр. 575.

¹⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», 1860, № 97, 5 мая.

¹⁷ «Русское слово», 1860, № 5, отд. II, стр. 29.

¹⁸ «Светоч», 1861, № 1, Критическое обозрение, стр. 20, 9.

¹⁹ Г е р ц е н АН, т. XXVII, кн. 1, стр. 49.

²⁰ См. Ivan Tourguenev, la comtesse Lambert et «Nid de Seigneurs» par Henri Gran-jard. Paris, 1960, p. 136.

²¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 39, л. 105 об.

²² Летом 1862 г. Тургенев написал предисловие к «Отцам и детям», в котором, так же как и в заключительных страницах «Первой любви», стремился «объяснить читателю», какую собственно задачу он ставил в этом романе (см. наст. том, стр. 288—290).

²³ «Русские ведомости», 1883, № 270, 2 октября.

ПРИБАВЛЕННЫЙ ХВОСТ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ В «ПЕРВОЙ ЛЮБВИ»

В<ладимир> П<етрович> ^{1*} умолк и поник головою, как бы выжидая слова ^{2*}. Но ни С<ергей> Н<иколаевич> ^{3*}, ни <хозяин дома> ^{4*} не прерывал(>) молчания, и сам он ^{5*} не поднимал глаз от своей тетради.

— Кажется, господа,— начал он наконец с неловкой улыбкой,— исповедь моя вам наскучила? ^{6*}

— Нет,— возразил <Сергей Николаевич> ^{7*},— но...

— Что «но»?

— Так... Я хотел ^{8*} сказать, что ^{9*} в странное время мы живем... и люди мы странные.

— Это почему?

— Мы странные люди,— повторил С<ергей> Н<иколаевич>. — Ведь вы ничего не прибавили в своей исповеди?

— Ничего.

— Гм. Впрочем, это заметно ^{10*}. Мне кажется в одной России...

— Такая история возможна! — перебил В<ладимир> П<етрович>.

— Такой рассказ ^{11*} возможен ^{12*}.

В<ладимир> П<етрович> помолчал. — А как ваше мнение? ^{13*} — спросил он, обращаясь к хозяину дома.

— Я согласен с С<ергеем> Н<иколаевичем>,— отвечал он, тоже не поднимая глаз ^{14*}. — Но не пугайтесь, мы не хотим этим сказать, что вы дурной человек, напротив. — Мы хотим сказать, что жизненные ^{15*} условия, в которых мы все ^{16*} воспитались и выросли, сложились ^{17*} особенным, небывалым ^{18*} образом, который едва ли повторится. Нам ^{19*} стало жутко от вашего простого и безыскусственного ^{20*} рассказа... не потому, чтобы он нас поразил своею безнравственностью — тут что-то глубже и темнее простой безнравственности. Собственно вы ни в чем не виноваты, но чувствуется какая-то общая, народная вина, что-то похожее ^{21*} на преступление.

— Какое преувеличение! — заметил В<ладимир> П<етрович>.

— Может быть. Но я повторяю Гамлета: «есть что-то испорченное в Датском королевстве» ^{22*}. Но будем надеяться, что нашим детям ^{23*} не придется так рассказывать свою молодость.

— Да,— задумчиво промолвил В<ладимир> П<етрович>. — Это будет зависеть от того, чем ^{24*} эта молодость будет наполнена.

— Будем надеяться,— повторил хозяин дома, и гости разошлись в молчании.

^{1*}В автографе описка в инициалах рассказчика: В. Н. ^{2*}и поник ∞ слова —
вписано ^{3*}В автографе описка в инициалах: С. П. ^{4*}ни ∞ ни — вписано вместо
зачеркнутого: никто; новый текст остался незаконченным ^{5*}Первоначально: и он
сам ^{6*}наскучила вместо зачеркнутого: не понравилась ^{7*}Имя, пропущенное
в автографе, восстанавливается по французскому тексту ^{8*}хотел исправлено из:
хочу ^{9*}что — вписано ^{10*}Впрочем, это заметно — вписано карандашом ^{11*}Такой
рассказ исправлено из: Нет, — такой рассказ ^{12*}Далее зачеркнуто: продолжа<л>
^{13*}А как ваше мнение? — исправлено из: А вы какого мнения? ^{14*}тоже не
поднимая глаз — вписано ^{15*}жизненные — вписано ^{16*}все — вписано ^{17*}Далее
начато: а) так; б) тем особенным; в) что едва ли найдется; г) совершенно ^{18*}небы-
валым — вписано ^{19*}Нам вписано вместо зачеркнутого: Но то ^{20*}простого и
безыскусственного — вписано ^{21*}что-то похожее — вписано карандашом вместо за-
черкнутого: какое-то ^{22*}Какое преувеличение ∞ королевстве — вписано карандашом
вместо зачеркнутого: Вы, я [надеюсь] уверен, не обидитесь и не примете эти[x]
слова за фразу... но ^{23*}нашим детям исправлено из: наши дети ^{24*}это будет ∞
чем — вписано вместо зачеркнутого: если только